

Семья Арсеньевых и японский святой

Знакомясь с материалами о жизни и деятельности Николая Сергеевича Арсеньева в Кенигсберге, я был озадачен несколько необычным местом работы его брата Юрия. Юрий Сергеевич Арсеньев работал техническим секретарём в японском консульстве. Каким вообще образом русского эмигранта, не владеющего японским языком, могли взять на такую работу? Да, можно учесть, что японское консульство располагалось совсем рядом с домом Арсеньевых. Оба здания, кстати, сохранились. Арсеньевы жили в доме №3 на нынешней улице Чапаева, а японское консульство располагалось в доме №14 на нынешней улице Закавказской; в нём сегодня находится детский сад. Конечно, очень удобно иметь работу рядом с домом, но как же удалось её получить? Попробуем это выяснить!

Напомню, что Юрий (Георгий) Сергеевич Арсеньев был младшим братом профессора Кенигсбергского университета Николая Арсеньева. Родился Юрий в Стокгольме 30 июля 1890 года. Из дворян, сын дипломата. Окончил Императорский лицей Николая II и Московский университет. Юрист, переводчик. Прапорщик запаса кавалерии. С началом Первой мировой войны Юрий Арсеньев служил в 53-й артиллерийской бригаде. Во время Зимней битвы на Мазурах эта бригада в составе 20-го армейского корпуса после отхода из Восточной Пруссии была окружена в Августовских лесах. 8 февраля 1915 года Юрий Арсеньев попал в германский плен. Капитан Успенский, также оказавшийся в плену после гибели 20-го армейского корпуса в Августовских лесах, в своей книге вспоминает, как в лагере военнопленных офицеров был создан православный храм. Псаломщиком в этом храме служил прапорщик

Арсеньев - «сын Российского посла в Норвегии, читавший, между прочим, шестопсалмие на Всенощной наизусть». После окончания Первой мировой и освобождения из плена Юрий Арсеньев служил в Северо-Западной армии Юденича в конно-егерском полку и был тяжело ранен под Гатчиной. По выздоровлении направился к Врангелю и служил в Русской армии до эвакуации Крыма. Эмигрировал в Югославию, затем некоторое время жил во Франции. В 1928 - 1929 гг. в Париже участвовал в работе семинаров Русского студенческого христианского движения (РСХД), выступал с докладами. В 1930 примкнул к Союзу младороссов. Позже переехал к брату в Кенигсберг. И при чём тут Япония?

Юрий Сергеевич Арсеньев

Японское консульство в Кенигсберге было официально открыто 1 мая 1941 года. Возглавил его некий Тиунэ Сугихара, входящий ныне в десятку самых известных японцев мира. Он

включён Израилем в список «праведников народов мира». Он удостоен государственных наград Литвы и Польши. В Каунасе, Лос-Анжелосе, а также в кампусе японского университета Васада ему стоят памятники. О нём сняты несколько документальных и художественных фильмов. А ещё Тиунэ Сугихара – местночтимый святой Японской Православной Церкви (автономная церковь в составе Московского Патриархата). Вот этот человек и взял на работу в японское консульство Юрия Арсеньева.

Тиунэ Сугихара родился первого января 1900 года в семье врача Ёсимидзу Сугихара. Яцу Сугихара, мать будущего православного святого, происходила из самурайского рода. Отец хотел, чтобы сын выучился на врача, но Тиунэ поступил в университет Васада на отделение английской литературы. Отец лишил сына материальной поддержки, и Тиунэ из-за недостатка средств смог проучиться в университете только год. Тогда в 1919 году он прошёл экзамен на стипендию министерства иностранных дел. Сугихара был отправлен в Харбин, тогдашний центр русской эмиграции, для изучения русского языка. В то время в Харбине действовало 26 русских православных храмов, целая сеть русских школ и шесть высших учебных заведений. Здесь Тиунэ Сугихара познакомился с Православием, и оно его поразило.

В 1920-1922 годах Сухигара служил в японской армии. Службу закончил в звании подпоручика. Позднее, в 1928 году, он сдал экзамен на звание поручика. В 1924 году Сугихара был принят на работу в японское посольство в Харбине. Сугихара много общался с русскими эмигрантами, с бывшими белогвардейцами. Более того, в том же 1924 году он женился на дочери белогвардейского офицера Клавдии Семёновне Аполмоновой (ее отец и братья служили у атамана Семёнова). Перед свадьбой он принял Православие, крестившись с именем Сергей. В Японии уже

существовала своя Православная Церковь, основанная святым равноапостольным Николаем (Касаткиным). Она всегда была довольно малочисленной. Показательно, что основу японского Православия составили выходцы из сословия самураев. Воспитанные на идее служения своему земному господину, они истово приняли идею служения Царю Небесному. Японские же крестьяне, купцы, ремесленники и чиновники к Христу в своей массе прийти не смогли. Вспомним, что мать будущего православного святого была из самурайского рода.

Став православным, Сугихара остался японским патриотом. В тридцатых годах японская военная администрация создала на оккупированных территориях Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-го. Сугихара работал в МИДе Маньчжоу-го, достигнув поста заместителя министра иностранных дел. Именно он вёл переговоры с советскими властями о покупке Японией Китайско-Восточной железной дороги, и вёл их настолько успешно, что выторговал для своей страны около миллиона долларов по тогдашнему курсу. Первоначально советская сторона требовала в качестве компенсации за убытки в результате передачи Китайско-Восточной железной дороги выплаты суммы, превышавшей 600 миллионов японских иен, но в конечном итоге согласилась на выплату в размере примерно 140 миллионов иен, что составляет менее одной четверти суммы первоначального запроса.

Японский дипломат Тиунэ Сигухара

При этом Сугихара стал совершать дела христианского милосердия. Так, для китайских детей, оставшихся после вторжения Японии в Китай сиротами, он создавал детские дома. Сугихара занимался и вопросом оказания помощи сиротам из среды «белых» русских, которые были убиты «красными партизанами» во время советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 году. Он лично занимался назначением им денежных пособий, пересылаемых Обществом Красного Креста Японии. В конце концов Сугихара решил оставить свою успешную службу в Маньчжоу-го в знак протеста против унижения японскими властями китайцев. Он сам объяснял это так: «японцы очень плохо обращаются с китайцами, не принимая их за таких же людей. Я этого не мог вынести». Подлинному христианству чужд национализм.

В 1936 году Тиунэ покинул Харбин и вернулся в Японию. После одиннадцати лет совместной жизни распался брак с Клавдией Аполлоновой. По утверждению автора книги о Сугихаре профессора Бостонского университета Гиллеля Левина, решение о разводе приняла Клавдия, решившая, под впечатлением увиденного во время бегства из России, включая картины деторождения в тесных вагонах поездов, никогда не иметь детей. Забеременев, Клавдия скрывала это от мужа, и несколько раз прибегала к абортам, о чем не сообщала Сугихаре. В конце концов Клавдия посоветовала Сугихаре, желавшему иметь детей, жениться на «женщине общего с ним происхождения», что и привело к разводу. Православную веру Сугихара сохранил. Второй раз Сугихара женился уже на японке Юкико Кикуги. Для этого Юкико приняла Православие и крестилась с именем Мария. В счастливом браке родилось четверо детей.

К этому времени Тиунэ Сугихара, со своим знанием русского, английского, французского и немецкого языков, с опытом дипломатической работы стал ценнейшим кадром для Министерства иностранных дел Японии. При этом Сугихара стал признанным экспертом в вопросах, связанных с Россией. Общеизвестно, что любой дипломат является разведчиком, собирающим для своего государства информацию, необходимую для принятия правильных политических решений. Информация собирается и о потенциальных противниках, и о союзниках. Нужно ведь убедиться в возможностях союзников, в их намерениях добросовестно выполнять принятые на себя обязательства. Япония готовилась к грядущей войне. С 1932 года японские военные, обладавшие правом вето при формировании кабинета министров, практически полностью контролировали всю политическую жизнь Японии. Используя вражду СССР и стран Запада, занятость Великобритании и Франции испанскими событиями, своё сотрудничество с Германией

и Италией, Япония в 1937 году начала захватническую войну в Китае. Ситуация в мире на тот момент была её оценена в принципе верно. Европейские державы и США категорически не желали вмешиваться в японо-китайский конфликт. Они никак не помешали Японии завоёвывать китайские провинции одну за другой. При этом японская армия совершала многочисленные преступления против мирного населения. Например, в Нанкинской резне были убиты сотни тысяч мирных жителей.

Правда, японцы недооценили готовность гоминдановского правительства к сопротивлению. Война затянулась. Несмотря на это, японское правительство и руководство вооружённых сил уже планировали создание «Великой Восточной Азии», о чём Япония и заявила 3 ноября 1938 года. Милитаристская Япония настроилась на завоевание новых территорий. Вопрос не заключался в том: воевать или не воевать? Вопрос заключался в том: на кого напасть в первую очередь? Существовал северный вариант – нападение на СССР. Его сторонником традиционно были представители армии. Существовал вариант продвижения в Юго-Восточную Азию и на острова Тихого океана, к богатым ресурсами колониям Голландии, Франции и Англии. Его сторонниками были представители флота. Было осознание опасности вмешательства США в этот завоевательный процесс. От результатов соперничества флота и армии зависело направление японской агрессии. Соперничающим сторонам нужны были убедительные аргументы.

**Тиунэ Сугихара с семьёй и сотрудниками.
Японское консульство в Кенигсберге**

Ещё 25 ноября 1936 года Япония и Германия заключили Антикоминтерновский пакт. В ноябре 1937 года к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия. Летом 1938 года Япония спровоцировала двухнедельный вооруженный конфликт у озера Хасан. Весной 1939 года началась полномасштабная война на реке Халкин-Гол. Япония серьёзно рассчитывала на подключение Германии к войне против СССР. Антикоминтерновский пакт на бумаге существовал, но какова была ситуация на деле? Японии нужны были разведчики в Европе, поэтому сразу в нескольких восточноевропейских государствах стали создаваться посольства и консульства Японии. Имевшиеся дипломатические представительства спешно укреплялись профессионалами.

Понятно, почему столь ценного специалиста по Советскому Союзу, как Сугихару, решили направить в Восточную Европу. Первоначально японский МИД направил Сугихару на работу в посольство в Москве, но СССР отказал ему во въездной визе. Поэтому 23 февраля 1937 года заместитель министра иностранных дел Японии по административным вопросам Хориути Кэнсукэ

вызвал на встречу временно исполнявшего обязанности посла СССР в Японии по фамилии Лайбит и попытался переубедить его, но Лайбит ясно и доходчиво разъяснил причину, по которой Сугихаре было отказано во въезде в СССР. Он сослался на то, что Сугихара в период своей рабочей деятельности в консульстве Японии в Харбине а затем – в МИДе Манчжоу-го состоял в близких отношениях с так называемыми «белоэмигрантами», которые питали враждебные чувства к Советскому Союзу. Сугихара воспринимался советскими властями, как опытный японский разведчик. На фоне подписания Антикоминтерновского пакта позволить Сугихаре легально действовать в Москве «советы» никак не хотели. Да и миллион долларов, выторгованный на переговорах о передаче КВЖД, материалисты простить не могли.

После неудачи с Москвой Сугихара в августе 1937 года получил назначение в консульство в Хельсинки (Финляндия). Из-за отсутствия советской визы в Финляндию пришлось добираться кружным путём через Америку. Отметим для себя, что Финляндия была одним из центров русской эмиграции в Европе, а Тиунэ ещё в Харбине нашёл общий язык с русскими. Почти два года Сугихара проработал в Финляндии. 20 июля 1939 года было принято решение о его назначении вице-консулом в Каунас, тогдашнюю столицу Литвы. В МИДе решили, что там он будет полезней. Впрочем, русские эмигранты были и в Литве, а в Каунасе был центр православной Литовской епархии. Сугихара стал первым японским дипломатом в истории Литвы. Видимых потребностей в открытии японского консульства в Литве вроде бы не было. Суть работы консульства состоит в том, чтобы гарантировать безопасность японских граждан в иностранном государстве, в пределах которого расположено консульство, и выдавать визы местным жителям, собирающимся ехать в Японию. Однако в тот период времени,

когда Сугихара был направлен в Литву, в Каунасе, кроме Сугихара и его семьи, не проживал ни один японец, и, с другой стороны, почти никто из литовцев не собирался отправляться в Японию. Среды для обычной консульской деятельности там просто не существовало. Но следует обратить внимание на то, что в марте 1939 года Германия отобрала у Литвы Мемельский край. В Восточной Европе стремительно возникал новый очаг напряженности, грозивший перерасти в войну. Очевидно, что Сугихара должен был на месте изучить политическую ситуацию, следить за перемещением германских и советских войск, прогнозировать дальнейшее развитие событий и информировать об этом свой МИД. В один день с Сугихарой получили назначения ещё четыре японских дипломата. Их назначили в Польшу, Латвию, Эстонию и СССР.

28 августа Сугихара прибыл в Каунас и активно приступил к изучению ситуации на месте, даже выезжал в Мемель. Интересно, что германская разведка немедленно установила пост наблюдения в подвале дома перед японским консульством в Каунасе, а перемещения Сугихары в Мемеле отслеживались сотрудниками германской контрразведки. Да, немцы следили и за своими союзниками. Впрочем, советская разведка также установила за японским консульством наблюдение.

Как известно, события развивались так... В самый разгар боёв на Халкин-Голе Советский Союз и Германия подписали 23 августа 1939 года Договор о ненападении. Поражение, нанесённое японцам советско-монгольскими войсками, и одновременное подписание советско-германского договора привели Японию к правительственному кризису и существенным изменениям военных планов. 25 августа 1939 года министр иностранных дел Японской империи Арита Хатиро заявил послу Германии в Токио Ойгену Орту протест по поводу подписания советско-германского договора о

ненападении. В протесте отмечалось, что «этот договор по своему духу противоречит антикоминтерновскому соглашению». Он, действительно, противоречил... 28 августа 1939 года правительство Японии во главе с Киитиро Хиранумой, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, подало в отставку. Ведь получилось, что Германия предала Японию. Все надежды, связанные с развитием Халхин-Гольского конфликта с помощью Германии и превращением его в победоносную войну против коммунизма, лопнули. И, когда 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, Япония 4 сентября выступила с заявлением, что ни в какой форме не намерена вмешиваться в конфликт в Европе, а 15 сентября подписало соглашение о перемирии с СССР и МНР. Новое правительство Абэ окончательно выбрала для будущей войны южное направление.

Сугихара тем временем продолжал работу в Каунасе. По советско-германскому Договору о ненападении от 23 августа 1939 года Литва оказалась в сфере влияния Германии. Но по договору о дружбе и границах от 28 сентября 1939 года Литва перешла в сферу влияния СССР. 10 октября между СССР и Литвой был подписан договор о взаимопомощи. Советский Союз передал Литве город Вильно, а 18 тысяч красноармейцев разместились в нескольких военных базах на территории Литвы. Никаких внешних признаков будущего конфликта между Германией и СССР пока не наблюдалось, о чём и сообщалось в Токио.

В своей деятельности Тиунэ Сугихара стал контактировать с II отделом Генерального штаба Войска Польского, т.е. с «двойкой», польской военной разведкой. Японско-польское сотрудничество в области разведки началось ещё в 1919 году. В своё время поляки многому научили японцев в вопросах разведки. Так, они научили японцев шифровальному делу. Капитан Павловский, польский

криптограф, в 1919 году сделал полномасштабную ревизию японской криптографической системы. Важно отметить, что Япония никогда не воспринимала Польшу как потенциального противника. В ситуации, когда Германия стала восприниматься как предательница, было естественно установление тесных связей с польской разведкой. Сами поляки крайне нуждались в помощи. В Литве оказались тысячи военнослужащих разбитой польской армии. Они хотели бы пробраться во Францию, где формировались польские части для продолжения борьбы. Для этого надо было пересекать границы нейтральных на тот момент государств, что было невозможно без виз. Польское дипломатическое представительство в Каунасе было ликвидировано. И вот, инженер Людвиг Гринцевич («Верба»), руководивший польской разведывательной сетью в Литве, установил контакты с Сугихарой. Японский консул стал получать ценнейшую информацию относительно концентрации немецких войск в оккупированной Германией части Польши. От сохранившейся польской разведывательной сети в Минске и Смоленске шла информация о подготовке СССР к войне. В обмен на эту информацию Сугихара позволил полякам использовать каналы дипломатической почты для связи с польским правительством в изгнании, находящимся в Лондоне.

Также Сугихара добился от своего начальства разрешения на выдачу 600 транзитных виз, по которым польские офицеры и солдаты смогли вполне легально выбраться из Литвы через территорию Советского Союза в Японию, а дальше – в Европу. Картина получалась интересная: интернированные Советским Союзом польские офицеры находились в лагерях, ожидая своей участи, а такие же польские офицеры в комфортабельных купе ехали мимо этих лагерей из Литвы по Транссибирской магистрали в

Японию. Из вышеизложенного становится понятно, почему в 1996 году Польское правительство посмертно наградило Сугихару орденом Заслуг перед Республикой Польша, а в 2007 году – ещё и орденом Возрождения Польши.

По рекомендации Гринцевича Сугихара принял на должности секретарей консульства офицеров польской разведки, капитана Альфонса Якубанца и поручика Лешека Дашкевича («Рыба»), которым были выданы японские служебные паспорта. Для успеха разведывательной работы Сугихаре были нужны сотрудники с европейской внешностью.

Ценнейшая информация собиралась и ежедневно отправлялась в Токио. Японское правительство могло убедиться, что в ближайшие месяцы конфликта между Германией и СССР не будет. Поэтому Япония на время сосредоточилась на войне в Китае. В западной части Европы до мая 1940 года продолжалась т.н. «странная война», то есть активные боевые действия отсутствовали. Впрочем, в апреле Германия захватила Данию и Норвегию. Наконец, 10 мая Германия начала широкомасштабное наступление. За короткое время были захвачены Нидерланды и Бельгия; 22 июня 1940 года капитулировала Франция. Пока Германия была полностью занята на западе Европы, Советский Союз начал присоединение Прибалтики. Так, 14 июня Литве был выдвинут ультиматум в связи с похищением военнослужащих Красной армии. От Литвы требовалось отстранить от должности всех министра внутренних дел и руководителя Департамента по безопасности и сформировать правительство, способное выполнять заключенный ранее Договор о взаимопомощи. На заседании правительства Литвы ультиматум был принят большинством голосов. Утром 15 июня президент Антанас Сметона передал управление страной премьер-министру Антанасу Меркису, а сам бежал в Германию. Было сформировано

дружественное СССР, хотя и не коммунистическое правительства во главе с Юстасом Палецкисом. В Литву были введены дополнительные части Красной армии. На аэродром Каунаса приземлилась эскадрилья советских самолетов. В этих условиях 14-15 июля прошли выборы в Народный сейм. 21 июля новый сейм объявил о желании Литвы войти в состав СССР. Для подписания соглашения о вхождении Литвы в состав СССР 3 августа в Москву отправилась литовская делегация. Одним из последствий этих событий стало упразднение всех иностранных дипломатических представительств, ещё существовавших в Каунасе. Тиунэ Сугихара также должен был покинуть Литву. Неожиданные обстоятельства заставили его задержать свой отъезд.

Евреи в очереди в японское консульство за визами

После нападения Германии на Польшу поток еврейских беженцев из этой страны устремился на восток. Гитлеровский режим внушал им ужас. Около 15000 польских евреев бежали в 1939 году в Литву и осели там. Литовское правительство искало возможности избавиться от этих беженцев. Для этого весной 1940

года проводились переговоры с советскими дипломатами, чтобы получить разрешение на транзит через территорию СССР. В качестве одного из коридоров планировалось использовать порт в Одессе, но с этим как-то не сложилось.

Большинство евреев было радо вхождению Литвы в состав СССР, так как в отличие от Германии антисемитизм в Советском Союзе не просто отсутствовал, но даже считался преступлением. Однако СССР был государством атеистическим и социалистическим. Раввинам, учащимся религиозных школ, богатым людям и прочим классово чуждым элементам оказаться в советской действительности было не только неудобно, но даже опасно. Люди знали о репрессиях 20-30-х годов. События июля 1940 года привели многих еврейских беженцев в отчаяние. Считалось, что между Германией и СССР существует соглашение о возвращении всех беженцев в места их постоянного проживания, то есть на занятую немцами территорию Польши, в так называемое Генерал-губернаторство. Но, в один прекрасный момент кто-то из еврейских активистов обнаружил, что при въезде на принадлежащий Нидерландам остров Кюрасао виза не требуется. В это время голландским консулом в Каунасе сравнительно случайно оказался Ян Звартендейк. Изначально Звартендейк руководил представительством фирмы «Филипс» в Литве. В мае 1940 года Германия оккупировала Голландию. Однако дипломатическая служба этой страны продолжала подчиняться королеве Вильгельмине. Решением посла королевства Нидерландов в Латвии с должности консула в Литве был снят дипломат, жена которого придерживалась пронацистских взглядов. Место уволенного занял бывший сотрудник «Филипса».

Когда к Яну Звартендейку стали массово обращаться польские граждане еврейской национальности с просьбой помочь

им покинуть советскую Литву, тот по доброте душевной начал вписывать в их польские паспорта разрешение на выезд в заморские колонии Голландии - Кюрасао и Суринам, заверенные консульской печатью. В период с 24 по 27 июля 1940 Ян Звартендейк оформил таким образом около 1300 паспортов. Еще 1050 было оформлено с 29 июля по 2 августа 1940 года. Но, чтобы добраться до тех благословенных и безопасных краёв, надо было как-то проехать через территорию Советского Союза. А вот советские власти вполне резонно заявили, что королевство Нидерланды захвачено Германией и фактически перестало существовать. Поэтому и разрешения на въезд в Кюрасао с печатью консульства несуществующего государства были сочтены юридически ничтожными.

Тогда представители евреев бросились в японское консульство. Все они просили выдать им японскую транзитную визу для проезда на пресловутый остров Кюрасао. Очевидно, они как-то узнали, что по транзитным визам, выданным Сугихарой, около шестисот поляков смогли проехать через территорию Советского Союза в Японию, а из Японии попали туда, куда хотели. Однако, следует вспомнить, что японский МИД дал разрешение Сугихаре на выдачу виз полякам в рамках большого сотрудничества японской и польской разведок. Оказав помощь польским офицерам и солдатам, японцы получили в своё распоряжение польскую агентуру по всей Европе. Дать же визы тысячам евреев (что само по себе могло стать причиной ненужного конфликта с союзной Германией) и ничего не получить взамен – на это японский МИД согласен не был.

Транзитная японская виза, выданная Сугихарой

Сугихара попросил евреев дать ему время, чтобы запросить свое руководство в Токио, однако 29 июля начал выдачу транзитных виз, не дожидаясь ответа. Незадолго до смерти он ответил на вопрос о причинах такого нарушения правил: «А что бы вы сделали, если бы увидели, как люди со слезами на глазах просят о помощи. Среди беженцев были старики и женщины. Они были готовы целовать мои сапоги. Я это видел своими собственными глазами. И я решил не ждать ответа из Токио». Ответ из Токио пришел 31 июля. Прошение было отвергнуто, в разрешении на выдачу виз отказано. Но Сугихара все-таки продолжать выдавать визы. Он говорил близким и коллегам: «Если я повернусь спиной к тем, кто нуждается в моей помощи, я предаю свои убеждения, как христианин».

Беженцам оставалось преодолеть главное препятствие – получить разрешение на проезд через территорию СССР. Тиунэ Сугихара встретился с Владимиром Деканозовым, заместителем наркома иностранных дел СССР. Владимир Георгиевич Деканозов (Деканозишвили) - деятель советских спецслужб, один из активных участников сталинских репрессий (большого террора), дипломат, входивший в ближайшее окружение Лаврентия Берии. Был арестован по «делу Берии» и расстрелян в декабре 1953 года. В реабилитации отказано. Летом 1940 года он находился в Литве, где

координировал деятельность местных и прибывших из СССР сил по присоединению Литвы к Советскому Союзу. Сугихара убедил Деканозова в необходимости открыть коридор для польских евреев-беженцев через советскую территорию. Деканозов, в свою очередь, озвучил проблему еврейских беженцев перед Кремлем, подчеркнув, что они будут обеспечены визами. Была учтена возможность вербовать из числа беженцев агентуру для работы в других странах, а также возможность заработать на их перевозке по Транссибирской магистрали (160 долларов с человека). Наконец, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 29 июля 1940 года было принято решение, подписанное Сталиным, «позволить евреям-беженцам из бывшей Польши транзитный проезд через СССР».

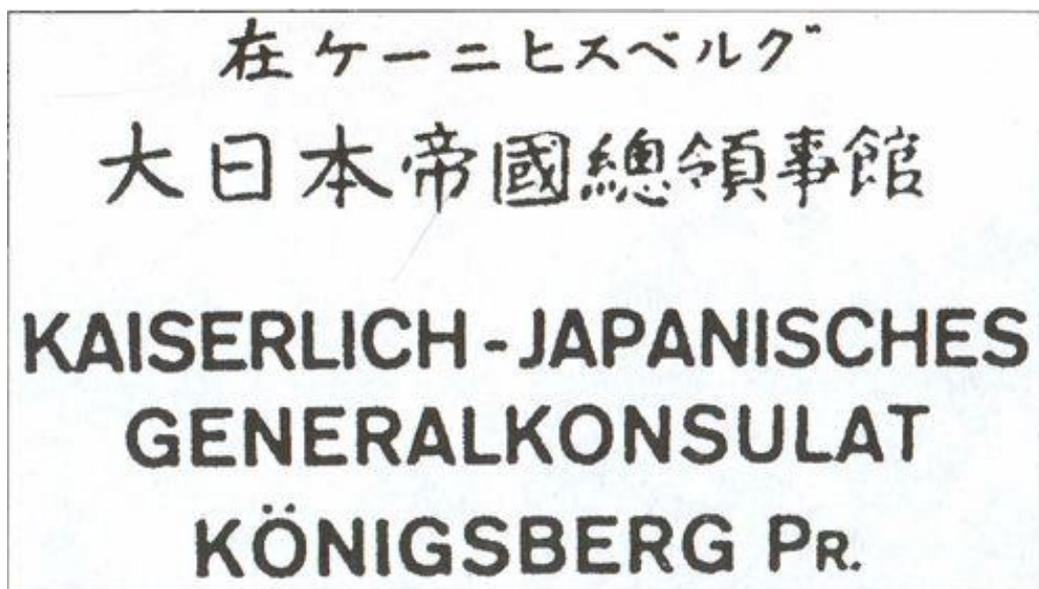
Сугихара продолжил работу по выдаче виз. Весь август 1940 года он провёл за письменным столом, работая с восьми утра до поздней ночи. По тогдашним японским правилам виза заполнялась консулом вручную. Ежедневно выдавалось месячная норма виз. Доходило до того, что ручка ломалась в пальцах. Многие беженцы не имели требуемой для оплаты выдачи визы суммы денег. У многих не доставало необходимых для оформления документов. Сугихара подписывал всё. Здание консульства было отобрано новыми властями Литвы. Сугихара продолжил работать в номере отеля «Метрополь». Работа продолжалась до конца августа 1940 года, когда советские власти потребовали от него покинуть наконец территорию СССР. Последние визы дипломат выписывал на железнодорожном вокзале и в купе отправляющегося в Берлин поезда. Утверждают, что, когда поезд отправлялся с вокзала Каунаса, Сугихара бросил в окно провожавшей его толпе евреев консульскую печать и визовые бланки, чтобы они сами могли подделывать транзитные визы.

В консульских документах зафиксирована выдача Сугихарой 2139 транзитных виз. Отмечается, что виза чаще всего выдавалась на целую семью, поэтому только официально выданными визами воспользовалось до 6000 человек. Количество фальшивых виз неизвестно, но они были. Евреи, которым достались консульская печать и бланки виз, японским языком не владели и в японских иероглифах не разбирались. Иногда одна виза просто многократно копировалась. Можно представить себе возмущение японских пограничников, обнаруживших на судне, пришедшем в порт Цуругу 30 человек с одинаковыми именем и фамилией Яков Гольдберг.

Из Японии около тысячи евреев-беженцев успели перебраться в США до нападения Японии на Перл-Харбор. Некоторое количество осело в городе Кобе, где существовала община российских евреев. Основная масса была отправлена японскими властями в Шанхай, где образовалась большая еврейская община. Практически все они благополучно пережили Вторую мировую войну.

Судьба же оставшихся в Литве евреев была печальной. К моменту нападения Германии на СССР в Литве жило от 225 до 265 тысяч евреев, включая 13-15 тысяч беженцев из Польши, по разным причинам не воспользовавшимся возможностью уехать по японским транзитным визам. Присоединение Литвы к СССР отложило геноцид евреев в Литве на один год, но усугубило судьбу литовских евреев, усилило враждебность литовцев, которые возлагали на них вину за советизацию страны. Убийства евреев начались в первые же дни войны. Они сразу приобрели организованные формы. Так, уже 25 июня 1941 года в Каунас прибыл командир айнзатцгруппы А бригадефюрер СС Вальтер Шталекер. Он стимулировал лидеров литовских националистов начать еврейский погром. С 25 по 29 июня литовские националисты во главе с Альгирдасом Климайтисом устроили в Каунасе массовую бойню евреев, во время которой погибло около 4000 человек. 4 и 6 июля тысячи евреев были убиты в девятом форте Каунасской крепости. Командир айнзатцкоманды 3 Карл Егер 1 декабря 1941 года составил подробнейший отчёт о совершенных его командой «подвигах». Согласно отчёту, этим подразделением в тесном сотрудничестве с литовскими добровольцами был уничтожен 136 421 еврей (46 403 мужчины, 55 556 женщин и 34 464 ребёнка). Всего уже к концу января 1942 года в результате массовых казней, смерти от холода и голода в Литве погибло 185 000 евреев (80% от довоенного числа). Понятно, что те евреи, которые вовремя смогли выехать в Японию при помощи Сугихары, впоследствии были благодарны ему за своё спасение.

Позднее Тиунэ Сугихара сказал: «Я был уверен, что поступаю правильно. В спасении многих жизней ничего неправильного нет. Дух человечности, благотворительности... соседской дружбы - именно в этих чувствах кроется причина, по которой я продолжал начатое с удвоенной отвагой».

Вывеска японского консульства в Кенигсберге

В конце августа 1940 года Сугихара навсегда покинул Каунас. Он не был наказан своим начальством из Министерства иностранных дел за немислимое неповиновение. Его по-прежнему ценили, как выдающегося дипломата и специалиста по «русским делам». Нужда в Сугихаре как в разведчике перевешивала раздражение от этого непонятного инцидента в Каунасе. Сугихара был назначен консулом в Прагу, оккупированную Германией бывшую столицу Чехословакии. Здесь также проживало множество русских эмигрантов, бывших белогвардейцев. Здесь действовала православная церковь во главе с будущим святым мучеником епископом Чешским и Моравско-Силезским Гораздом. Здесь была привычная для Сугихары ещё с времен жизни в Харбине среда. Забрал он с собой и поручика Лешека Дашкевича («Рыбу»). Сотрудничество японцев с польской разведкой продолжалось.

Продолжалась и политическая игра Японии с Германией. 27 сентября 1940 года между Германией, Италией и Японией был заключен так называемый Берлинский пакт (Пакт трех держав). Он предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка. Германии и Италии предназначалась ведущая роль в Европе, а Японской империи - в Азии. Пакт учитывал также право договаривающихся сторон иметь свои собственные отношения с Советским Союзом. Первоначально казалось, что это было в интересах Германии, которая уже имела серьёзное экономическое и военно-техническое сотрудничество с Советским Союзом и Договор о ненападении. Но и Япония уже выстраивала свою особую политику по отношению с СССР.

Пользуясь предоставленным Берлинским пактом правом, Япония 13 апреля 1941 года подписала с Советским Союзом Пакт о нейтралитете. Вот это уже было крайне негативно воспринято в

Германии и Италии, так как терялся союзник в готовящейся войне с СССР. Япония развязала себе руки в разработке плана войны за Великую Восточную Азию против США, Голландии и Великобритании. Да, она ещё в сентябре 1939 года приняла решение направить свою экспансию на юг. Предотвращение конфликта с СССР было теперь в интересах Японии, так как воевать на два фронта она не хотела. Но на Дальнем Востоке Советский Союз продолжал держать мощную военную группировку. Поэтому война Германии с Советским Союзом была для Японии в принципе очень выгодна, так как она привела бы к переброске значительной части советских войск с Дальнего Востока на запад. Японские дипломаты продолжали вести разведывательную работу в Европе, пытаясь выяснить подлинные намерения Германии, скрываемые и от врагов, и от союзников. В какой-то момент времени в японском МИДе появилась идея открытия консульства в Кенигсберге, в ближайшем к советской границе крупном германском городе. Лучшей кандидатурой на пост консула был Тиунэ Сугихара.

**Здание бывшего японского консульства
в Кенигсберге**

Он прибыл в Кенигсберг в марте 1941 года. Видимых потребностей в открытии японского консульства в этом городе не было. Японские граждане, чью безопасность в иностранном государстве должно гарантировать консульство, в Кенигсберге

отсутствовали. У местных жителей отсутствовала потребность в японских визах. Германские власти понимали, что в Кенигсберге открылся легальный разведывательный центр, но были вынуждены терпеть его, так как рассчитывали на участие Японии в войне против СССР. Неужели они забыли, что в 1939 году Япония так же рассчитывала на Германию во время войны на Халкин-Голе? Вальтер Шелленберг в своих мемуарах, кстати, указывал, что Рихард Зорге, поставлявший информацию не только советской разведке, но и германской, сообщил в Берлин оценку общего положения, согласно которой он считал вступление Японии в Пакт трех держав всего лишь политической манипуляцией, не имеющей для Германии никакого реального военного значения. После нападения Германии на СССР он также указал на то, что Япония ни при каких обстоятельствах не нарушит пакт о ненападении, заключенный с Советским Союзом. Зорге также утверждал, что Япония направит свою экспансию на юг. Всё сбылось...

Но в 1941 году Япония должна была убедиться, что Советский Союз будет связан войной с Германией. Для этого, в частности, и было открыто консульство в Кенигсберге. Сугихара привёз с собой в Кенигсберг всё того же Лешека Дашкевича («Рыбу»). Учтём, что к весне 1941 года немцы знали о Сугихаре достаточно много. Они прекрасно понимали, что перед ними – опытный разведчик. Они прекрасно знали все подробности об истории с визами для евреев. Они прекрасно знали, что Сугихара сотрудничает с польской разведкой. Кстати, в мемуарах Вальтера Шелленберга много строк посвящено именно связям японских дипломатических представительств в Европе с польской агентурой.

Гауляйтер и обер-президент Восточной Пруссии Эрих Кох демонстративно избегал общения с Сугихарой, хотя по своему служебному положению обязан был встретиться с ним сразу после

приезда японского консула в Кенигсберг. Причины столь открытого проявления неприязни понятны, если вспомнить, что позднее правление Коха на оккупированной территории Советской Украины привело к смерти более 4 миллионов советских граждан (включая евреев). Эрик Кох лишь на несколько минут посетил японское консульство в день его официального открытия.

В таких условиях вести разведывательную деятельность на территории Восточной Пруссии японскому консулу было трудно. Сугихаре требовались новые связи, новые люди, новые лица. И вот здесь мы снова должны вспомнить, что Сугихара был православным христианином, что он со времен учёбы и службы в Харбине он имел очень хорошие отношения с русскими белогвардейцами, знал в совершенстве русский язык. Итак, на кого он мог опереться в Кенигсберге в своей работе? Немцы исключались практически на все 100%. Оставались русские, православные, бывшие белогвардейцы. Выбор был невелик. Всем требованиям удовлетворял Юрий Сергеевич Арсеньев, брат профессора Кенигсбергского университета Николая Арсеньева, русский, православный и бывший белогвардеец. Он и был принят на работу в японское консульство в качестве технического секретаря.

Николай Сергеевич Арсеньев

Как состоялось знакомство? На семью Арсеньевых Сугихара вышел сразу по приезде в Кенигсберг. Профессор Кенигсбергского университета Николай Сергеевич Арсеньев за неимением постоянного священника возглавлял православную общину Кенигсберга. Он вёл учет прихожан, поддерживал с ними постоянную связь, организовывал проведение богослужений. Примерно раз в месяц в съёмном помещении Лебенихтской гимназии богослужение проводилось приезжим священником. Обычно это был отец Александр Аваев из Эккерсдорфа (Войново). Сугихара с семьёй приехал в Кенигсберг во время Великого поста. Пасху православные праздновали 20 апреля. Период Великого поста и Пасхальных праздников – самое лучшее время для личного знакомства с Николаем Арсеньевым и его родными. Понятен и интерес Арсеньевых к японскому консулу, внезапно оказавшемуся православным христианином. Следует учесть и то, что отец братьев

Арсеньевых (в Кенигсберге тогда жили Николай, Василий и Юрий Арсеньевы) был видным российским дипломатом. Точек соприкосновения нашлось очень много. Для себя можно особо отметить, что хорошо знакомые с миром дипломатов братья Арсеньевы наверняка прекрасно понимали, что Сугихара, как любой другой дипломат, выполняет разведывательную миссию.

Свои служебные обязанности Сугихара выполнял добросовестно. В статье «Праведник народов мира Чиуне Сугихара», опубликованной в журнале «Новая и новейшая история», №5 за 2014 год, Илья Альтман ссылается на отчаянные рапорты начальника полиции Восточной Пруссии в Берлин о японском дипломате, который разъезжает по всей провинции, фиксирует перемещение войск, отмечает факты эвакуации детей из пограничных районов. Начальник полиции призывает отозвать японского консула.

Сугихара тем временем отправляет из Кенигсберга в Токио донесения. Так, 9 мая 1941 года он впервые утверждает, что война Германии и СССР неизбежна. 29 мая он докладывает о создании при Кёнигсбергском университете и штабе 1-го военного округа курсов по изучению русского языка. От кого Сугихара мог узнать о курсах по изучению русского языка, созданных при университете? Мог узнать напрямую от профессора Кенигсбергского университета Николая Арсеньева. Общались они довольно часто. Мог, конечно, узнать от Юрия Арсеньева, технического секретаря японского консульства. Но тот, в свою очередь, узнал об этом от брата.

Сугихара во время поездки в приграничные районы Восточной Пруссии. Второй справа – поручик Лешек Дашкевич («Рыба»)

В начале июня Сугихара сообщает в Токио: «30 мая мною замечено, что между всеми пунктами восточнее Кёнигсберга проведен полевой телефон. Вдоль шоссе между Тильзитом и Эйдткуненом (ныне соответственно город Советск и поселок Чернышевское Нестеровского городского округа Калининградской области) поспешно возводятся площадки для установки тяжелых пулеметов и мортир. На главных улицах в Тильзите насыпаны кучи песка, кроме того на всех площадях внутри города и даже в узких переулках стоит большое число автомобилей. Все это наводит на мысль о начале войны». Наконец Сугихара назвал точную дату начала войны.

В японском Министерстве иностранных дел была своеобразная практика: дипломатические представители этой страны поддерживали зашифрованную телеграфную связь не только со своим МИДом, но и с дипломатическими

представительствами в других странах. В соответствие с этой практикой Сугихара дублировал свои телеграфные сообщения об обстановке в Восточной Пруссии в посольство Японии в Москве. Как сейчас известно, советская разведка перехватывала и расшифровывала эти телеграммы. Информация Сугихары из Кёнигсберга о дате начала войны так же, как и сообщения из Токио Рихарда Зорге, была в распоряжении советской разведки. Увы, этой информацией не смогли правильно воспользоваться...

Японскому же руководству передаваемая Сугихарой в Токио информация помогала определиться с дальнейшими действиями в условиях мировой войны. Выше уже говорилось, что после августа 1939 года Япония выбрала южное направление для своей экспансии. Сейчас японское руководство терпеливо ожидало нападения Германии на СССР. Движение на юг можно было начинать тогда, когда Советский Союз будет надёжно связан войной в Европе. 22 июня 1941 года Германия напала на СССР. Гитлер вполне серьёзно ожидал от Японии начала боевых действий против СССР на Дальнем Востоке. Но их не было... Рихард Зорге сообщил германской разведке, что Япония ни при каких обстоятельствах не нарушит пакта о ненападении, заключенного с Россией. Эту информацию боялись доложить Гитлеру. Вальтер Шелленберг в своих мемуарах отмечает: «Зорге вел шпионскую деятельность в широком масштабе не только против японцев, но и против Германии в пользу Советской России. В частности, он выдал русским срок нападения Германии на Россию, а также сообщил им о том, что Япония не вступит в войну против России. Это позволило России высвободить свои сибирские дивизии и бросить их на Западный фронт против Германии».

Сугихара тем временем сообщает в Токио всё, что может узнать о реальной ситуации на советско-германском фронте.

Германская пропаганда утверждала, что Красная армия разбита и бежит, что Москва скоро будет взята. Соответственно, Гитлер настойчиво требовал от Японии вступить в войну, чтобы успеть к разделу «русского пирога». Но действительность отличалась от германской пропаганды. Несмотря на ужасные потери, Красная армия упорно сопротивлялась, война явно затягивалась. По сравнению с другими японскими дипломатическими представителями Сугихара оказался в наиболее выгодном положении в смысле добычи объективной информации. Восточная Пруссия была плацдармом для нападения на СССР. Сюда поступили первые партии военнопленных, сюда прибыли с фронта первые партии раненых. Ценнейшая информация могла поступать от местных русских, в первую очередь – от семьи Арсеньевых. Николай Сергеевич Арсеньев был взят переводчиком в Вермахт и осенью уже был под Ленинградом. Его брат Юрий, как мы помним, работал в японском посольстве техническим секретарём. Через него Сугихара мог узнавать то, чего не сообщала официальная германская пропаганда. Например, он мог узнать то, что доверительно писал Николай Арсеньев из-под Ленинграда своим родным. Вермахт завяз в жестоких боях. Блицкриг сорвался.

Сугихара с семьёй на ступенях японского консульства в Кенигсберге

Вальтер Шелленберг написал в своих мемуарах: «С начала осени 1941 года наши отношения с Японией стали неопределенными. Гитлер уже несколько раз высказывал Гиммлеру жалобы на то, что министерство иностранных дел не в состоянии дать ясную информацию о позиции Японии, в особенности касательно американо-японских переговоров. Риббентроп, говорил он, тоже, видимо, вряд ли может сделать это, так как японский министр иностранных дел и его заместитель с начала сентября 1941 года отказываются сообщать какие-либо сведения германскому послу в Токио о ходе вышеупомянутых переговоров. Гитлер был раздосадован этим оскорбительным поведением члена тройственного союза и уже учитывал возможность того, что Япония вообще хочет остаться нейтральной. <...> все попытки Риббентропа оказать давление на Японию с тем, чтобы вовлечь ее в войну против

Советского Союза, закончились неудачей». Наконец, 7 декабря 1941 года японцы напали на... американский флот в Перл-Харборе. Войны Японии против СССР Гитлер так и не дождался.

Занятый разведывательной деятельностью, Сугихара не забывал и о консульских обязанностях - несколько кёнигсбергских евреев получили у него визы, позволившие им покинуть город. Деятельность Сугихары в Кенигсберге привела к настойчивому желанию германских властей от него избавиться. Речь шла об объявлении его персоной нон грата. В конце концов японский МИД решил перевести его в Румынию, что и было сделано в 1942 году. Отметим, что Юрий Сергеевич Арсеньев продолжил работать в японском консульстве. Он выполнял обязанности технического секретаря консульства до конца 1944 года, когда семья Арсеньевых окончательно покинула Кенигсберг и переехала в западную часть Германии. Известно, что Польское правительство, находившееся в годы Второй мировой войны в Лондоне, предоставило Николаю Сергеевичу Арсеньеву почётный паспорт. Очевидно, польские паспорта получили и другие члены семьи Арсеньевых, в частности, его брат Юрий. Это обстоятельство имело очень большое значение в их судьбах. После капитуляции Германии англо-американская оккупационная администрация не выдавала СССР лиц, имевших гражданство довоенной Польши. Им разрешалось оставаться в английской, французской или американской зонах оккупации, а затем переезжать в любую страну, куда пустят. Уже в мае 1945 года Николай Арсеньев со своим польским паспортом вполне легально перебрался в Париж. Таким образом, наличие паспортов Польши решило многие проблемы семьи Арсеньевых, сохранило их свободу, а возможно – и жизни.

Каким образом Арсеньевы могли получить польские паспорта? Между Германией и Великобританией шла война, Кенигсберг и

Лондон разделяла линия фронта. Но из изложенного выше становится понятно, что Николай Арсеньев мог довольно просто связаться с родными и знакомыми, проживавшими в Великобритании, используя японские дипломатические каналы и польскую агентурную сеть. Даже после отъезда Сугихары в Румынию Юрий Арсеньев продолжал работать в японском консульстве. Покидая Кенигсберг, Сугихара передал новому японскому консулу все свои связи, а также поручил ему заботу о старосте православного прихода и членах его семьи. Связь с Лондоном осуществлялась элементарно просто. Письма переправлялись с дипломатической почтой из Кенигсберга через Берлин в нейтральный Стокгольм, где передавались прямо в польское дипломатическое представительство. Польские дипломаты переправляли корреспонденцию в Лондон, где пребывало польское правительство «в изгнании». Обратная почта из Лондона поступала тем же путём. Вальтер Шелленберг в своих мемуарах посвятил несколько строк описанию методов работы японского посланника в Стокгольме Онодера, «одной из ключевых фигур японской разведки в Европе». Агенты Шелленберга выяснили, что официальным сотрудником японской миссии в Стокгольме является бывший польский офицер, работающий одновременно и на польскую, и на советскую разведки! Этому поляку разведывательная информация поставлялась прямо из Берлина. Сам японский посланник Онодера, по утверждению Шелленберга, «...имел обыкновение в буквальном смысле слова вести меновую торговлю поступающей к нему информацией, уже проанализированной японскими разведывательными центрами в Виши, Риме или Белграде,» с советской и английской разведками. Но, вернёмся к судьбе Тиунэ Сугихары...

Румыния была союзным Германии государством и участвовала в войне против антигитлеровской коалиции, прежде всего против Советского Союза. Во главе государства находился кондукэтор (аналог фюрера или дуче) Ион Антонеску. При этом подавляющее большинство населения было православным. Одного этого факта достаточно, чтобы понять причину назначения в Румынию именно Сугихары. Здесь он мог легко завязать нужные знакомства и добывать информацию для японского МИДа и о ситуации в Восточной Европе, и о ситуации на советско-германском фронте, где сражались три румынские армии. В 1943 году Сугихара получил повышение в должности, а в 1944 году был награжден японским орденом Священного сокровища 5-й степени. Можно понимать, что деятельность Сугихары оценивалась начальством как успешная, а разведывательная информация, собираемая им – как ценная.

В 1944 году вырисовалось поражение Румынии в войне против СССР. В конце августа король Михай I произвел государственный переворот. Антонеску был арестован, военные действия против СССР, Великобритании и США были прекращены. В дальнейшем Румыния вела боевые действия уже против своей бывшей союзницы Германии. В биографии Сугихары обычно указывается, что он с семьёй был помещен в фильтрационный лагерь и вернулся в Японию только в 1947 году. Подробности пребывания в лагере неизвестны. Также непонятно, на основании чего Сугихара был лишен свободы. Советский Союз в 1944 году войны с Японией не вёл и поддерживал нормальные дипломатические отношения. Так, после взятия Красной армией Кенигсберга был обнаружен уцелевший во время штурма города японский консул Ода Тораносукэ, сменивший Сугихару в 1942 году. Никто его в плен не брал. В целости и сохранности и со всеми почестями японского дипломата доставили в Японию.

Представляется, что Сугихару лишили свободы не советские, а румынские власти. Румыния вовремя изменила Германии в августе 1944 года. С этого момента румынская армия стала вместе с советскими войсками сражаться против германской армии, а 4 марта 1945 года Румыния объявила войну Японии. Практических последствий это объявление войны не имело. После нападения Японии на Перл-Харбор польское правительство в изгнании, находящееся в Лондоне, также объявило 11 декабря 1941 года войну Японии. Премьер-министр Японии Хидэки Тодзио прокомментировал данный факт следующим образом: «Объявления войны от Польши категорически не принимаем, поскольку это было сделано исключительно под давлением правительства Великобритании». Японские дипломаты в Европе продолжили плодотворное взаимовыгодное сотрудничество с польской разведывательной сетью. В 1957 году кто-то вспомнил, что Польша находится в состоянии войны с Японией, и правительства обеих стран официально прекратили это состояние войны. То же произошло и с румынским объявлением войны. Великобритании и Соединенным Штатам, которые реально воевали против Японии, было приятно, а практического смысла это деяние не имело. Однако японского консула Сугихару с семьёй румынские власти ограничили в свободе перемещения. Через некоторое время после поражения Японии в войне их отпустили домой. Добираться до родины Сугихаре пришлось через территорию Советского Союза всё по той же Транссибирской магистрали. В Японию он вернулся только в 1947 году.

Икона святого праведного Тиунэ Сугихара

Капитулировавшей Японией заправляли США. Японский МИД был сокращен на 90 процентов. Сугихара также был уволен по сокращению штатов и некоторое время перебивался случайными заработками. Благодаря совершенному знанию русского языка он получил работу в представительстве торговой компании в Москве, где и жил с 1960 по 1975 гг. В это время сменил имя и фамилию на Семпо Сугивара, чтобы в нём не узнали бывшего заместителя министра иностранных дел Маньчжоу-го. В 1960-х годах поляки начали поиск некоего японского дипломата, спасшего в 1939 году несколько сот польских военнослужащих. Искали его и спасенные им бывшие еврейские беженцы, один из которых стал даже министром в правительстве Израиля. Но Тиунэ Сугихара в Японии не было. Случайно в 1968 году Сугихару нашел в Москве один из спасённых им евреев, израильский дипломат Йошуа Нишри. С этого

момента начинается мировая известность бывшего консула. В 1985 году Сугихаре было присвоено почётное звание Праведника мира. Сугихара и члены его семьи также получили постоянное гражданство Израиля. Сугихара умер 31 июля 1986 года у себя дома в Фудзисаве. И, если в Израиле к тому времени его деятельность получила огласку, то в Японии он был практически неизвестен. Только во время похорон, на которых присутствовали посол Израиля и множество евреев с разных стран мира, японцы узнали о его подвиге. Сегодня Тиунэ Сугихара является одним из наиболее известных в мире японцев и почитается как местночтимый святой Японской Православной церкви, в лике праведных. Для нас интересен период его деятельности в Кенигсберге в качестве главы японского консульства. Православный святой жил и работал в Кенигсберге в 1941-1942 гг. С ним была близко знакома семья Арсеньевых, проживавшая тогда в Кенигсберге. Время было жестокое. Однако православные христиане, Арсеньевы, Тиунэ Сугихара и многие иные старались жить по воле Божией, старались выполнять двуединую заповедь о любви к Богу и любви к ближнему. Несмотря на мировую войну между странами, народами и идеологиями они смогли сохранить в себе образ Божий, смогли сохранить человечность. Поэтому нам так дороги так непохожие внешне, но единые в духе люди: русский профессор Кенигсбергского университета Николай Арсеньев и японский консул Тиунэ Сугихара, праведник мира и святой Японской православной церкви.

Впервые опубликовано в журнале «Берега» №6 (36), 2019 год. <http://журнальныймир.рф/berega-no636-2019>